

А. ВАЧЕВА

ДВОРЯНСКИЙ ДОЛГ В МЕМУАРАХ Е. Р. ДАШКОВОЙ

Мемуары княгини Дашковой многократно привлекали внимание исследователей, серьезно изучавших этот, вне всякого сомнения, один из самых популярных текстов русской мемуарной литературы. Хорошо известна история его написания, вывоза из России рукописи, заграничных публикаций с целью ознакомления как можно более широкого круга читателей в Европе, вовлеченность мемуаров в разные идеологические контексты публикаторами и критикой. В настоящей статье будет рассмотрена концептуальная роль проблемы о дворянском долге в «Записках» княгини.

Полемичность дашковских «Записок» и сочетание в них автобиографического повествования с философскими посланиями, характерными для трактатов и исторических сочинений, давно были отмечены комментаторами. Александр Воронцов-Дашков считает, что автобиография княгини — ответ на порочащие личность Екатерины II и ее собственную сочинения Ж.-А. Кастера, К.-К. Рюльера и других «историков» дворцового переворота 1762 года.¹ Это мнение несомненно справедливо. Подобные намерения заявлены мемуаристкой в письме-посвящении Марте Уилмот, в котором Дашкова пишет, что положила себе целью опровергать «все хитросплетения лжи и гнусные измышления, возведенные на Екатерину Великую

---

¹ *Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova: A Life Of Influence And Exile. American Philosophical Society. Philadelphia, 2008. P. XXVIII.*

некоторыми французскими писателями», которые, «следуя низменным целям и распушенности нынешнего времени, решили заодно очернить и оклеветать ее безвинного друга — Екатерину Малую».² Однако дашковские мемуары выходят далеко за рамки самооправдания и попыток защититься от несправедливо возведенных обвинений. Они выражают представления автора по двум важнейшим для просветительской мысли темам: концепция просвещенного монарха и «должность» дворянина. В этом смысле они соотносимы с мемуарами Екатерины II. Гораздо справедливее замечание М. Левитта о том, что Дашкова ставит себе целью в «Записках» тройную защиту: возвеличение Екатерины II как истинно великой и просвещенной государыни, утверждение русской культуры эпохи Просвещения и уточнение и выявление собственной исторической роли.³

По своему жанру записки Дашковой представляют собой автобиографию и ставят во главу угла историю личности мемуаристки. Текст должен раскрыть перед будущими читателями идеологию концепции собственного «я» автора. «Из моего повествования будет видно, что плыть на одном корабле с великими мира сего — предприятие, изобилующее опасностями и что придворная атмосфера губительна для честных людей; однако свободная от укоров совесть может дать нам достаточно сил, чтобы твердостью духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения. Вы найдете здесь примеры тому, как славе сопутствуют зависть и ее верная подруга — клевета»,⁴ — эта формулировка «Записок» обобщает суть автобиографического образа. В этом отношении повествование о прожитом Екатерины «Малой» также приближается к автобиографии Екатерины «Великой». Можно даже предположить, что в какой-то мере Дашковой были известны «Записки» Екатерины II. Однако никаких документальных доказательств этому предположению нет. Общепринятая точка зрения сформулирована Г. Н. Моисеевой: «Е. Р. Дашкова не могла видеть „Мемуары“ Екатерины II, которые хранились

---

² Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 35.

³ Levitt M. Virtue Must Advertise: Self-presentation in Dashkova's Memoirs // Levitt M. Early Modern Russian Letters: Text and Context. Boston, 2009. P. 381.

⁴ Дашкова Е. Р. Записки. С. 35.

в запечатанном пакете и были вскрыты после смерти императрицы в 1796 г. Павлом I. Первое же издание этих „Мемуаров“ на французском и на русском языках было осуществлено А. И. Герценом в Лондоне в 1859 г. Очевидно, что сходство в изображении событий, предшествующих восшествию Екатерины II на престол, в „Записках“ Е. Р. Дашковой и в „Мемуарах“ императрицы объясняется тем, что в обоих произведениях нашли отражение одни и те же исторические факты».⁵ Идею о возможной связи обоих текстов надо воспринять с необходимой долей осторожности, учитывая прежде всего сходство в подходе мемуаристок к созданным ими собственным образам.

Конечно, ни в коем случае нельзя ожидать, что княгиня имела перед собой копию текста высочайшего автора. В качестве «посредника» между обеими мемуаристками можно заподозрить Ф. В. Ростопчина, особенно близкого к Павлу Петровичу после его воцарения. Графу было поручено вместе с кн. А. Б. Куракиным разобраться в бумагах покойной императрицы. Считается, что Ростопчин одним из первых снял копию с записок, равно как и донес до потомства сведения о судьбе загадочного документа — пресловутой записки Алексея Орлова из Ропши о смерти Петра III. История обязана услужливой памяти графа, которому удалось якобы запомнить наизусть ее содержание за те несколько минут, во время которых драгоценное послание было в его руках.⁶ В мемуарах Дашковой, в вставке к основному тексту, есть подтверждение истории с запиской. Княгиня якобы видела тщательно хранимый императрицей документ, составлявший ее алиби: «Тем, кто посмел подозревать императрицу в том, что она приказала убить супруга или была причастна к его смерти, я представлю здесь доказательство противного: известно письмо Алексея Орлова, которое ее величество тщательно

---

⁵ *Моисеева Г. Н.* О «Записках» Е. Р. Дашковой // Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810 / Подгот. текста, статья и коммент. Г. Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 262.

⁶ В последнее время ставится под сомнение аутентичность документа, о существовании и содержании которого сообщил Ростопчин. Некоторые современные исследователи склонны видеть в свидетельстве графа фальсификацию (см.: *Иванов О. А.* Смерть Петра III. Ч. 1. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши. Княгиня Е. Р. Дашкова и граф А. Г. Орлов: причины конфликта. М., 2009; *Крючкова М. А.* Триумф Мельпомены. Убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. М., 2013 и др.).

берегла в своей шкатулке, вскрытой Павлом после смерти матери. <...> Когда после смерти Павла стало известно, что письмо не было уничтожено и что Павел велел читать его вслух в присутствии своей супруги и госпожи Нелидовой, показал письмо великим князьям и графу Ростопчину, я была так счастлива, так весела, как редко в жизни».⁷

Ф. В. Ростопчин, родственник княгини, был одним из редких посетителей Троицкого во время работы над мемуарами. В опубликованных С. С. Дмитриевым и Г. А. Веселой фрагментах дневника Марты Вильмот есть два упоминания о визитах графа в Троицкое.⁸ В переписке самого Ростопчина есть другие сведения о встречах и беседах с княгиней в период работы над ее автобиографией.⁹ Ростопчин подозревается исследователями в шпионаже по отношению к Дашковой, некоторые считают, что именно он мог бы донести о сочинении ее мемуаров и планах вывезти текст из России ее английскими гостями.¹⁰ Если граф и не разъезжал с опасной копией

---

⁷ Дашкова Е. Р. Записки. С. 78–79. Дашкова подтверждает существование и содержание записки также в своих примечаниях на книгу Кастера (*Корнилович-Зубашева О.* Княгиня Дашкова за чтением Кастера // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922; репринт: Jal-reprint, Würzburg, 1978. С. 365). Сообщение о том, что записка Орлова не была сразу же брошена в огонь, а хотя бы известное время существовала и была показана более широкому кругу лиц, несколько расходится с версией об уничтожении документа, сообщенной самим Ростопчиным, А. А. Безбородко и другими свидетелями этой сцены.

⁸ См. дневниковые записи М. Вильмот от 11.06.1804 г. и 21.06.1805 г. (*Дашкова Е. Р.* Записки. С. 263 и 276).

⁹ О. А. Иванов цитирует письмо Ростопчина брату Дашковой С. Р. Воронцову, где описываются его встречи с Дашковой в Москве: «Я встречался в некоторых домах с вашей сестрой, и мы не могли вдоволь наговориться и поспорить между собой. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 году, и она никак не хочет убедиться, что лучший способ смотреть на современные события заключается в невозможности устранить зло и в ограничении своей деятельности определенным, непреступаемым кругом» (*Иванов О. А.* Смерть Петра III. Ч. 1. С. 58). Иванов приводит также выдержки из писем Ростопчина другим лицам, из которых становится ясно не только то, что граф сравнительно часто встречался с княгиней, но также, что читал «все важные ее переписки». Однако это не помешало ему неоднозначно оценить ее личность: «Ее похвалы и яд и лекарство...» (Там же. С. 59).

¹⁰ О. А. Иванов аргументирует этот тезис: «Однако, как оказалось, Ростопчин был далеко не равнодушен к „Запискам“ Екатерины Романовны. Он, как доказывают

екатерининских мемуаров, то он вполне бы мог рассказать княгине об их содержании. О том, что оба обсуждали в узком кругу «опасные» темы; например, о посещении Екатериной заключенного Ивана Антоновича в Шлиссельбурге свидетельствует запись М. Вильмот от 21.06.1805 г.: «Приехали граф Ростопчин, госпожа Небольсина и мадемуазель Лилинтхаль. Граф Р[остопчин] — вылитый Павел I. <...> Мы засиделись допоздна, разговор вращался вокруг различных событий русской истории. Княгиня упомянула о визите, который Екатерина II сделала несчастному Ивану. Императрица говорила ей самой, что Иван был безумным или, вернее, слабоумным...».¹¹ Другая «опасная» тема этой беседы — заговор Мировича и смерть «несчастливого безумца», «трагедия», которая «едва не имела серьезных последствий для самой княгини Дашковой».¹² К тому же самой княгине могли быть известны многие подробности эпизодов жизни Екатерины, узнаваемые ею из разговоров¹³ как в молодости, так и в период активной работы императрицы над собственной автобиографией. Факты говорят об активном участии Дашковой в придворной жизни во второй половине 80-х — начале 90-х гг. Долголетняя работа над мемуарами императрицы убеждает в том, что у нее были своеобразные «заготовки» рассказов о событиях ее жизни. Содержание отдельных эпизодов екатерининских мемуаров и воспоминаний постоянно повторяется в воспоминаниях других мемуаристов, по которым историки выверяют правдивость мемуарного рассказа, а записки Дашковой часто используются в этом

исследователи, пытались воспрепятствовать вывозу их в Англию Мартой Вильмот, которая была задержана в Кронштадте, вероятно, по распоряжению самого императора. По намекам задержавшего ее офицера она начала догадываться, по чьей инициативе это происходило. Не называя имени, М. Вильмот характеризует доносчика как человека, которого она „считала до сих пор своим другом, известного в России, пользующегося доверием княгини, читавшего ее Записки с посвящением и знавшего, что они у меня“. Послав из Кронштадта тайно полный отчет о происшествии к Дашковой, Вильмот не назвала ей доносчика. Екатерина Романовна так и не узнала имя человека, „который долго был в немилости при дворе и старался подняться за ее счет“» (*Иванов О. А. Смерть Петра III. Ч. 1. С. 68*).

¹¹ Запись от 21.06.1805 г. (*Дашкова Е. Р. Записки. С. 276*).

¹² Там же.

¹³ *Тычина Л. В. Отношения Екатерины Великой и Е. Р. Дашковой в 1784–1794 гг. // Е. Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 10–26.*

отношении именно как контрольный текст. Главное, Дашкова могла бы иметь представление об основном — как ее сиятельный друг подходила к истории собственной жизни и к концепции собственного образа в рассказе. Автобиографии Екатеринин — Великой и Малой — сходятся в одном: оба автора старательно лепят свои образы с учетом возможной публикации в будущем. Цель обеих — задать желанное направление своей посмертной репутации, парировать накопленную отрицательную мифологию и поддержать положительные представления о своих личностях.

Если автобиография Екатерины Великой должна проиллюстрировать ее путь к трону и убедить публику в заслуженном высокими нравственными качествами, патриотизмом, упорным (само)просвещением, справедливостью и рыцарской верностью своим принципам успехе, автобиография Дашковой должна представить образцовую гражданку, воплощающую в себе высокие понятия о призвании дворянина. Это тем интереснее, что княгиня подчеркивает свою женскую идентичность, доказывая обществу способность и возможность активного участия русской дворянки в политике и общественной жизни.

Представляется, что записки Дашковой — это очередное «сопоставление» Малой Екатерины с Екатериной Великой. Своеобразное соперничество на фоне многократно и публично демонстрировавшейся княгиней лояльности к императрице сопровождало всю историю отношений обеих Екатеринин. По справедливому замечанию Аделин Гаргам, «Дашкова, или Екатерина Малая, на самом деле наследует часть мифологии, которая окружала Екатерину Великую. Образ русской княгини повторяет образ императрицы, созданный в литературных произведениях и карикатурах. Чтобы прославить Екатерину II писатели, в особенности Вольтер, довольствовались тремя мифологическими фигурами: Минервой, Семiramидой, Талестрис, царицей амазонок. Образ Паллады по поводу нашей ученой княгини воскрес под пером Казановы: „Ученые бы краснели от того, что ими руководит женщина, если бы не признали в ней Минервы“, — писал он в «Истории моей жизни».¹⁴ Совсем

---

¹⁴ Gargam A. Les voyages de la princesse Dachkova en France (1770–1781) et son accueil par les Français: Le fantasme d'un *mundus perversus* // L'image de l'Étranger. Sous la dir. d'A. Stroev. Paris, 2010. P. 122–123.

не случайно подчеркивание в мемуарах Дашковой своего значения в «революции» 1762 г., в которой императрице отводится едва ли не пассивная роль, в то время как известно недовольное высказывание Екатерины II о том, что неуместно даже подумать, что она могла бы доверить свою судьбу и судьбы империи молодой экзальтированной девятнадцатилетней особе, какой была в то время княгиня Екатерина Романовна. Примечательно, что стремясь подчеркнуть свои заслуги, мемуаристка все время приуменьшает свой возраст, представляя себя во время подготовки и осуществления заговора то шестнадцатилетней, то семнадцатилетней, то восемнадцатилетней.

Мотив верности дворянскому долгу играет концептуальную роль в создании собственного образа мемуаристки в «Записках» Дашковой. Причем основная идея в его разработке — не подчиненность, а независимость и равнопоставленность дворянина с государем, что явно признается просвещенной правительницей, какой являлась Екатерина II. Это отмечено в ряде эпизодов текста, начиная с трех вечеров, когда обе соратницы вынуждены делить одну кровать, и в той терпимости, с которой государыня выслушивает резкие возражения княгини, учитывает ее мнение, читая ей вслух манифесты. В интерпретации личности и обязанностей дворянина в мемуарах Дашковой как бы выражена квинтэссенция этой ведущей темы русского классицизма, начиная с сатир Кантемира и кончая поэзией Державина. В отличие от Екатерины-императрицы, которая щедро маскирует невозможную искренность (Ф. Лежень) в автобиографии романной топики,¹⁵ Дашкова, также вовсе не собиравшаяся рассказать «всю правду» о себе, использует идеологические конструкторы русских писателей.

Проблема дворянского долга в автобиографии Дашковой разрабатывается на основе нескольких основных мотивов. Это традиционный в автобиографическом повествовании мотив родной семьи: знатное происхождение обязывает героиню быть достойной представительницей рода. С ним связан мотив полученного мемуаристкой блестящего воспитания, обещавшего не менее блестящую пар-

---

¹⁵ См.: *Вачева А.* «Романът на императрицата». Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурси на четене през XIX век. София, 2008.

тию и предполагавшего традиционную реализацию дворянки в обществе. В рассказе о детстве производят впечатление такие обстоятельства, как отсутствие матери, а также одиночество и самовоспитание. В этом отношении можно провести известную аналогию с автобиографией Екатерины II. Если отсутствие матери в мемуарах Дашковой обусловлено фактом ее ранней смерти, то в автобиографии императрицы мать (которая в действительности прилагала посильные усилия обеспечить будущее дочери) представлена как враждебно настроенная, относящаяся с пренебрежением к девочке, преследующая свои эгоистические цели. В обоих случаях это предпосылка одиночества, но также и саморазвития, прежде всего путем чтения. В рассказе о происхождении и детстве характерно умолчание Дашковой о купеческом происхождении ее матери и ее первом браке с опальным князем Долгоруковым, т. е. деталях, упоминание которых может чем-то повредить идеальному образу мемуаристки в глазах будущих читателей.¹⁶ Интересную интерпретацию этого мотива предлагает А. Воронцов-Дашков. По мнению исследователя, в личности Екатерины II юная княгиня видела образ отсутствующей матери, тогда как Никита Панин явно замещал в ее сознании отсутствующего и безразличного к ней отца.¹⁷ Это мнение позволяет выявить особый аспект отношения мемуаристки к своему кумиру Екатерине II, которая соотносится с образом названной матери в романах того времени, отмеченный не только мотивами наставничества со стороны последней, восхищения молодой особы старшей женщиной и желания быть похожей на нее, но и соперничества. Исследователь обращает внимание и на то, что княгиня особенно высоко ценила дружбу своей матери с Елизаветой Петровной, очевидно, соотнося ее со своими дружескими отношениями с Екатериной II. В этом она находила оправдание собственным действиям, открывая новый тип преемственности, своеобразную альтернативную генеалогию, основанную на дружбе женщин, вместо традиционной фамильной генеалогии, передающейся от отца к сыну.¹⁸

---

¹⁶ Впрочем, умалчивает она и о второй семье своего отца (см.: *Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova...* P. 10).

¹⁷ *Ibid.* P. 45.

¹⁸ *Ibid.* P. 6.

Своеобразным сравнением с Екатериной-императрицей выглядит список авторитетных мыслителей, труды которых были прочитаны мемуаристкой в нежном возрасте: «Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер и Буало».¹⁹ Тут можно прибавить еще «Об уме» Гельвеция, «Энциклопедию», словарь Морери,²⁰ всю огромную библиотеку И. И. Шувалова, охотно предоставившего юной героине возможность просвещать свой ум его впечатляющим книжным собранием. Характерно, что большинство имен и заглавий занимает почетное место и в списке книг императрицы в молодости и более зрелом возрасте. Чтение, как и для великой княгини Екатерины Алексеевны, — единственное средство от одиночества, способствующее интеллектуальному росту и укреплению душевных сил.

В случае Дашковой вопрос о происхождении и родной семье имплицитно содержит в себе намек на заслуги ее рода, но здесь проявляется, хотя и очень отдаленно и завуалированно, чувство вины. А. Воронцов-Дашков анализирует измену молодой княгини общей для большей части семьи позиции в противопоставлении Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича. По мнению исследователя, это был вопрос, выходящий по своей значимости за пределы фамильных отношений.²¹ На фоне обычной для России власти фамильно-олигархических группировок отказ быть на стороне своей семьи истолковывался как предательство не только родными. «Она нарушила один из строжайших запретов русского общества в XVIII веке, относящийся к святости семьи и послушания дочери своему отцу», — отмечает Воронцов-Дашков.²² Не случайно М. И. Воронцов рассматривал поведение племянницы как позор для фамильной чести.²³ Помимо вице-канцлерства и канцлерства дяди, Михаила Илларионовича, необходимо отметить менее известные заслуги отца мемуаристки перед русским дворянством. Отец княгини, Роман Илларионович Воронцов, во время царствования Петра III активно работал над планом определения прав и приви-

¹⁹ Дашкова Е. Р. Записки. С. 39.

²⁰ Там же. С. 39, 40.

²¹ *Woronzoff-Dashkoff* A. Dashkova. P. 67.

²² *Ibid.* P. 67.

²³ *Ibid.* P. 42.

легий русского дворянства, который должен был дополнить «Манифест о вольности дворянской». Он продолжал свою деятельность на этом поприще с елизаветинских времен: «Манифест Петра III был лишь центральной частью более широкого плана, по-новому определявшего права и преимущества русского дворянства. Этот план, который предусматривал отмену обязательной службы, явился в основном результатом работы графа Романа Илларионовича Воронцова — брата вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова и отца любовницы Петра III Елизаветы Воронцовой и (с осени 1760 г.) председателя учрежденной императрицей Елизаветой Петровной комиссии для разработки свода законов Российской империи», — отмечает Д. Гриффитс, высоко оценивая усилия отца Дашковой по созданию документа, призванного обеспечить исключительные права сословию, «принадлежность к которому (по замыслу Воронцова. — А. В.) определялось рождением — и только рождением».²⁴ Хотя в годы екатерининского правления Дашкова будет принадлежать к панинской партии, стремящейся к расширению участия олигархии в управлении страной и ограничению власти монарха, и будет под подозрением в участии в ряде заговоров, на фоне развития событий восшествия Екатерины II на престол она выйдет изменницей по отношению к позиции своей семьи. В дальнейшем в мемуарах княгиня неоднократно будет подчеркивать свою заботу о родных и в первую очередь о сестре Елизавете, бывшей фаворитке Петра III и противнице Екатерины, и о ее дочери; теплые, хотя и редко имеющие место встречи с отцом, братьями и остальными родственниками. Фактически чужого ей по крови Панина (он — близкий родственник князя Дашкова) она называет дядюшкой, и родство это скорее духовное (и политическое), чем кровное.²⁵

---

²⁴ Гриффитс Д., Камендровский В. Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М., 2013. С. 159–160; *Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova*. P. 67–68.

²⁵ Здесь не учитываем слухи, о которых сообщает и сама же опровергает в «Записках» княгиня о предполагаемом биологическом отцовстве Панина, имевшего якобы связь с ее матерью, или же о любовной связи между ней самой и Никитой Ивановичем.

Мотив высокого происхождения скреплен в тексте также благословием крестных — императрицы Елизаветы Петровны и великого князя Петра Федоровича. Отношение мемуаристки к ним, и в особенности к крестному, — проверка ее нравственных качеств. На основе своего отношения к родной семье и к высочайшим покровителям княгиня как нельзя лучше демонстрирует принципы своего поведения не только в привычной для женщины тогдашнего времени личной, но и в социальной сфере.

Главный организующий мотив дворянского долга проявляется в описаниях нескольких сфер жизни повествовательницы, как частной, так и общественной. Это — традиционное и нетрадиционное амплуа дворянки. Деление условно, так как эти два аспекта неразрывно связаны. Реализация мемуаристки в частной жизни находит выражение в создании семьи на основании искренней привязанности, взаимопонимания и любви; в уважении к родителям, заботе о детях и в особенности об их воспитании и образовании, но также и об их материальном достатке. Княгиня идеализирует свою семейную жизнь с князем Михаилом Дашковым, предлагая читателю сюжет о гармоническом союзе в духе сентиментализма, не знающем пределов привязанности героев. Особенно красноречив в этом отношении эпизод накануне рождения второго ребенка мемуаристки, когда она рискует жизнью, чтобы увидеть вернувшегося издалека и больного мужа. Таким же идиллическим предстает отношение ее к родным, особенно старшим, несмотря на редкие встречи с отцом, сестрами, свекровью. Образ повествовательницы, однако, скорее классицистичен. М. Левитт справедливо сравнивает ее с персонажем классицистской трагедии, бескомпромиссным и самоотверженным, не пасующим перед властью и могуществом, если они недостойны и безнравственны.²⁶

Особенно эта верность своему долгу и неколебимость в его исполнении сказывается в отношении мемуаристки к детям. Безграничная материнская любовь, жертвы и лишения, хорошо продуманная система воспитания и образования, бескорыстие характеризуют это высшее проявление в частной сфере жизни героини. Дашкова описывает свой материнский подвиг и ретроспективно —

---

²⁶ *Levitt M. Virtue Must Advertise. P. 390.*

трагедию преданной своими детьми матери.²⁷ По мнению М. Левитта, «дашковский образ материнства является частью ее добродетельного, мужественного, публичного „я“». ²⁸ Документальные свидетельства, переписка родственников, отзывы третьих лиц, например той же Екатерины II о «хваленом воспитании», данном Дашковой сыну, наконец, сами поступки Анастасии и Павла, освободившихся от слишком сильной опеки матери, говорят о том, что действительность сильно отличалась от версии, изложенной в мемуарах. «По отношению к детям Дашкова была настоящим деспотом, и они не чаяли, как вырваться из-под ее опеки», — констатирует трагедию этих взаимоотношений А. Б. Каменский.²⁹

Гораздо интереснее интерпретация долга дворянки в публичной сфере — сюжет, привлекавший многих исследователей, благодаря неконвенциональным ролям Дашковой не только в русской, но также и европейской культуре. Хотя Дашкова прямо не заявляет, что она «в правде черт», как это делает Державин, но такой лейтмотив постоянно звучит при описании деятельности мемуаристки в общественной сфере. Державин особенно гордился тем, что умел «истину царям с улыбкой говорить» и всегда, при всех обстоятельствах, оставался верным своим принципам. В этом отношении отчетливо прослеживается сходство в подходе к собственной личности в автобиографических записках обоих авторов. Помимо лейтмотива неуклонного следования своему долгу в интерпретациях их публичного бытия и Дашкова, и Державин создают идеальный образ Екатерины, очень похожий на державинскую Фелицу.

Дворянский долг мемуаристка осмысляет через образ своего кумира. Иногда автору трудно скрыть «маленькие различия» с императрицей и, несмотря на многократные декларации, в тексте проявляется настоящее отношение Дашковой к Екатерине. Это не осталось скрытым даже от французских собеседников княгини. В письме к принцессе Каролине Дармштадтской М. Гримм поделился впечатлениями: «Очень хорошо видно, что глубоко в себе она недовольна

---

²⁷ *Levitt M. Virtue Must Advertise*. P. 392. М. Левитт подчеркивает выбор Дашковой роли жертвы.

²⁸ *Ibid.* P. 394.

²⁹ *Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века*. СПб., 1992. С. 92.

императрицей, но всегда говорит о ней как о первой женщине во Вселенной и одной из светлейших голов века...».³⁰ Собственный образ мемуаристки отражает идеал гражданского поведения, «должность» каждого дворянина. Тем более Дашкова старалась сделать этот образ убедительным и притягательным, так как речь шла о «должности» дворянки, женщины, претендующей активно участвовать в жизни общества. А. Воронцов-Дашков обращает внимание на серию перевоплощений повествовательницы в различных гендерных ролях.³¹ Основной компонент здесь — истинный и искренний патриотизм, который выражается не только в забавном перекрашивании мундиров солдат на картине, но и в гораздо более серьезных инициативах, нередко находящихся на грани риска (организация заговора, хладнокровие, откровенность и смелость, позволявшая «истину царям с улыбкой говорить»). Главная черта — абсолютное бескорыстие, неоднократно декларируемое в тексте, отсутствие стремления к почету и славе. На самом деле это было далеко не так, и княгиня иногда плохо скрывает свою досаду даже по прошествии многих лет (например, эпизод коронации, недовольство местом в соборе по чину мужа, а не по настоящим заслугам, да и неудовлетворенность материальной наградой за усилия «главы» заговора, какой всегда считала себя Дашкова). Один из наиболее известных среди многочисленных примеров собственного бескорыстия — эпизод с орденом св. Екатерины в первые дни после переворота. В нем княгиня произносит тираду, сходную с монологом добродетельного персонажа из трагедий, амплуа которого — нечто среднее между протагонистом и наперсником:

Но вместо того, чтобы преклонить колена и принять награду, я произнесла:

— Извините меня, ваше величество, за то, что я вам сейчас скажу. Вы вступаете в пору жизни, когда правда, вопреки вашему желанию, не будет достигать ваших ушей. Умоляю, не жалуйте мне этот орден, ведь как украшением я им не дорожу, и вы это знаете; а что до моих заслуг, то, как ни малы кажутся они некоторым людям, по моему мнению, их ничем нельзя вознаградить, ибо меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакой ценой.

Ее величество обняла меня и сказала:

---

³⁰ Gargam A. Les voyages de la princesse Dachkova en France. P. 121.

³¹ Woronzoff-Dashkoff A. Disguise and Gender in Princess Dashkova's Memoirs // Canadian Slavonic Papers, 1991. Vol. XXXIII. N 1. P. 64.

— Доставьте мне, по крайней мере, удовольствие и позвольте выразить свою дружбу.

Я поцеловала ей руку.

И вот, похожая на четырнадцатилетнего мальчика, я стою в офицерском мундире, с лентой на плече, в одной шпоре (!).³²

В подобных эпизодах субъективность рассказа повышается до крайности, и повествование отмечено эмоциональностью. Производит впечатление гордость мемуаристки и ее ненавязчивое, но последовательно подчеркиваемое чувство собственного достоинства и своеобразного равенства. Едва ли подобное нравоучение, более характерное для драматических персонажей, старающихся предупредить положительных героев о возможных негативных последствиях, имело место в действительности. Примечательно, что эпизоды, в которых княгиня привлекает внимание читателя к своим незаурядным поступкам или суждениям, драматизированы, а сама она произносит длинные реплики, более похожие на трагедийный монолог, чем на обмен мнениями с собеседником. Подобным образом строятся эпизод с Дидро, эпизод спора с Ланским, момент назначения президентом Академии наук. Ряд деталей, очевидно, вымышлен и отвечает более желанию мемуаристки внушить определенную идею, чем правдиво описать действительность. «При внимательном чтении мемуаров первой, но и последней женщины — президента Академии наук легко увидеть постоянное стремление их автора выдать желаемое за действительное. Это касается прежде всего оценки собственной личности и взаимоотношений с окружающими. Дашкова настойчиво подчеркивает свое бескорыстие, свою заботу о сестре, свою безоглядную преданность императрице, свою любовь к собственным детям. В ответ она получает лишь черную неблагодарность, жертвой которой и рисует себя», — констатирует А. Б. Каменский.³³ Воронцов-Дашков отмечает такую особенность повествования как «маскарад голосов», «маскирование» собственных суждений для большей убедительности под высказывания авторитетных мужчин (например, пресловутое предупрежде-

---

³² Дашкова Е. Р. Записки. С. 75–76.

³³ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. С. 92.

дение Петра Федоровича своей крестнице о «выжатом лимоне»).³⁴ Нонконформизм, отстаивание собственных принципов, невзирая на риск, — ведущие мотивы в образе повествовательницы. Верная последовательности в создании как собственного образа, так и образа просвещенной государыни Екатерины II, Дашкова, очевидно, склонна отступать от точности в описаниях событий и характеров. Наблюдения А. Воронцова-Дашкова над игровым моментом в эпизоде гостиницы и переделки не понравившейся ей картины можно соотнести с общей для «Записок» манерой повествования: «Перекрашивая русских и прусских солдат, она подчиняет вопросы исторической истины перекраиванию и „одеванию в форму“ событий прошлого».³⁵

Дворянский долг и честь не позволяют допустить компромиссов даже тогда, когда героиня в опале и преследуема. Лояльность дворянина к просвещенному государю и отказ от подчинения недостойному — лейтмотив дашковской автобиографии. Это и объясняет «верность» Екатерине II, доходящую почти до обожествления (по свидетельству М. Вильмот) ее личности, а также и «измену», или, точнее сказать, отказ от подчинения Петру III.

«В общем, описание Дашковой царствования Петра III неласково и субъективно», — обобщает Воронцов-Дашков. «Придворная жизнь кажется ей нереальной — все изменилось, люди ведут себя по-новому, необычные роли исполняются в скоро приобретенных, часто вызывающих смех костюмах. В ее описаниях веселое становится смешным, когда маскарадный образ используется, чтобы осмеять Петра и его придворных».³⁶

Концепция образа Петра III в автобиографии Дашковой во многом сходна с подходом к образу супруга-соперника в автобиографии Екатерины II. Петр Федорович — воплощение тирана, недостойного государя, изменяющего своему призванию. Особенно неприемлемо отсутствие у него патриотизма, презрение к русскому языку и обычаям, юродство и несерьезность в поведении, противоречащие призванию державного мужа. В образе Петра Федоровича в мемуарах Дашковой сатирические моменты сходны с осмеянием его маний и

³⁴ *Woronzoff-Dashkoff A. Disguise and Gender...* P. 66.

³⁵ *Ibid.* P. 65.

³⁶ *Ibid.* P. 42–43.

поведения в записках Екатерины.³⁷ Неадекватные решения (например, генеральский чин как награждение для такого сугубо невоенного человека, каким был Панин), национальное предательство (преклонение перед Фридрихом и разбалтывание государственных тайн), даже мелкие нечестные поступки в быту, как например мелкая нечестность при игре в карты, все это — отрицательные штрихи в образе Петра Федоровича как недостойного своего сана монарха. Довольно пространные эпизоды в начале мемуарного рассказа получают лаконический итог, обобщающий недостатки государя, не оценившего высоту своей миссии: «Но довольно об этом несчастном государе, который вознесся на пьедестал не по своим возможностям. Он не был злым; но его ограниченность, недостаток воспитания и природные склонности свидетельствуют о том, что из него вышел бы хороший прусский капрал, но никак не государь великой империи».³⁸

Долг же настоящего дворянина — высказывать открыто свое недовольство подобным поведением правителя, а не раболепствовать и слепо подчиняться недостойным и унижительным распоряжениям. Сама княгиня, несмотря на молодость и родственные связи с императором («Нужно помнить, что я всегда разговаривала с Петром III тоном глупого упрямого ребенка и называла его „папа“»³⁹), — образец достойного дворянского поведения. Она нимало не боится за себя, следуя закону чести и высказывая в лицо Петру Федоровичу неприятные для него истины. Этого стиля поведения мемуаристка придерживается на протяжении всей своей жизни, даже по отношению к Екатерине: «...моя преданность, столь же нерушимая, сколь бескорыстная, заставляла меня повиноваться ей во всем, что не задевало моих принципов».⁴⁰ Принципиальность позиции просвещенной дворянки — необходимое оправдание ее «измены» родственному клану и выбора в пользу противной, но выражающей позитивные послания стороны.

---

³⁷ См.: *Вачева А.* «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Лоуренса Стерна и «Записки» Екатерины II // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 198–212.

³⁸ *Дашкова Е. П.* Записки. С. 72.

³⁹ Там же. С. 53.

⁴⁰ Там же. С. 150.

Просвещенность, интеллектуальное равенство с выдающимися умами Европы (больной Вольтер, принимающий княгиню; Дидро, наслаждающийся ежедневными беседами в течение 17 дней (на самом деле реальных встреч оказалось только четыре));⁴¹ Бенджамин Франклин и признание Филадельфийского научного общества, успехи на академическом поприще) соперничают с образом «философа на троне» Екатерины II. В этих эпизодах, подчеркивая удовольствие мыслителей от общения с ней и их желание ей угодить, княгиня едва скрывает чувство превосходства перед императрицей. Особенно пространен эпизод с Дидро, посвященный темам самодержавия, деспотизма, просвещения, свободы (и крепостного права) и образу Петра I как фигуры противоречивой, сочетающей в себе черты и смелого реформатора, и деспота, интерпретации личности и дел российского императора, характерной для эпохи Просвещения. Дашкова представляет себя на высоте философского дискурса этой эпохи. Именно ее рассуждения по животрепещущим для энциклопедистов вопросам вводят в сильное смущение Дидро, вынужденного признать крах некоторых своих иллюзий по отношению к уничтожению института крепостного права и проблеме просвещения и свободы для низов российского общества:

Однажды он заговорил со мной о рабстве, в котором, по его мнению, находятся наши крестьяне.

Я ответила ему:

— Поскольку душа у меня не деспотична, я заслуживаю ваше доверие. В моем орловском имении мною установлено такое управление, которое, думаю, может сделать крестьян более свободными и счастливыми и в то же время оградить их от притеснения мелких чиновников. <...> Дворянство — так считают и крестьяне — служит посредником между ними и государством, потому в интересах самих помещиков защищать крестьян от лихоимства губернаторов и их чиновников.

— Однако, княгиня, вы не можете не признать, что, будучи свободными, они стали бы просвещеннее и вследствие этого богаче.

— Если бы государь, — отвечала я, — разбивая несколько звеньев цепи, привязывающей крестьян к дворянам, разбил бы одновременно несколько звеньев, которыми прикованы дворяне к воле самодержавных государей, я бы с радостью своей кровью вместо чернил подписалась бы под этим установлением. Впрочем, извините меня, если я скажу, что следствие вы приняли за причину. Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения производит только анархию и бес-

---

⁴¹ См.: *Дмитриев С. С., Веселая Г. А.* Записки княгини Дашковой и письма сестер Вильмот из России // Дашкова Е. Р. Записки. С. 9.

порядок. Когда низшие классы моих соотечественников станут просвещенными, тогда они будут достойны свободы, поскольку не смогут использовать ее во вред своим согражданам, не вознамерятся разрушить порядка и отказаться от повиновения, необходимого при любом правлении. <...> Представив нарисованную мною картину, Дидро вскочил со стула, будто подброшенный невидимой силой. Он зашагал большими шагами и, плюнув в сердцах, проговорил одним духом:

— Какая вы удивительная женщина! Вы перевернули представления, которые я вынашивал в течение двадцати лет и которыми так дорожил.

Все восхищало меня в Дидро, даже эта горячность, проистекающая от пылкости чувств и живости восприятия. Его искренность, дружелюбие, прозорливый и глубокий ум, привязали меня к нему на всю жизнь.⁴²

Литературность этого эпизода очевидна. Если такой разговор вообще состоялся, то он наверняка не оказал на Дидро описанного в мемуарах воздействия.⁴³ Скорее всего, княгиня излагала эти свои рассуждения в ходе размышлений над определенными идеями энциклопедистов, одновременно выражая свои сокровенные убеждения об устройстве российского общества. Для концепции автобиографического образа важна идея не только равенства, но едва ли не превосходства над философом. В этом отношении опять-таки можно установить известное сходство с Екатериной Великой, которая три-четыре года спустя откажется слепо доверять Дидро, его рекомендациям и претворять их в реальности. Убеждения Дашковой, как они представлены в автобиографии, — плод знания конкретных обстоятельств, а не книжных фантазий.

Очередной штрих в интерпретации правил дворянского поведения в автобиографии Дашковой — отрицание тирании и презрение к общепринятым и проторенным дорогам общественного успеха. Это прежде всего отношение к фаворитизму и другим условностям придворной жизни. Верность дворянским добродетелям и исполнение дворянского долга перед обществом и государем княгиня отстаивает в своих мемуарах в параллели не только с образами государей, но и в сопоставлении с оппонентами и единомышленниками. Смело можно сказать, что она придерживается стародумовских правил достойного поведения и отказа от материальной выгоды. Ирония мемуаристки не обходит своей едкостью даже лю-

⁴² Дашкова Е. П. Записки. С. 98–99.

⁴³ Woronzoff-Dashkoff A. Dashkova. P. 112.

дей, считавшихся сторонниками тех же взглядов, если они преследуют свою корысть, то есть если их позиция воспринимается как не вполне искренняя. Хрестоматийный пример в этом отношении — странное и комическое поведение Бецкого, коленопреклоненно просящего императрицу признать его ведущую роль в ее возведении на трон. Что же касается фаворитизма как возможного пути сделать карьеру и устроить не только свою жизнь, но и всего родственного клана, он для нее, как и для ее многообещающего сына, абсолютно недопустим. Княгине тем более неприятно само допущение этой мысли относительно Павла, как исходящей от ее заклятого противника Алексея Орлова, воплощающего в тексте негативный образ дворянина, несмотря на его принадлежность к «екатерининской» партии. В мемуарах княгиня создает в общем-то отрицательные образы фаворитов — Григория Орлова, Ланского. Она даже склонна закрыть глаза на это порочное явление, отдавая себе отчет в том, что текст когда-то будет опубликован и читатели узнают об этой неприглядной стороне русской действительности:

Неожиданно князь Орлов привел меня в неизъяснимое замешательство. Устремив глаза на сына (мне припомнился разговор в Гааге), он сказал:

— Жаль, князь Дашков, что меня, верно, не будет в Петербурге, когда вы туда приедете. Не сомневаюсь, вы возьмете верх над фаворитом, а поскольку в течение некоторого времени я имел поручение вести переговоры с отставленными фаворитами и утешать их, я бы сделал это с большим удовольствием, если бы свое место он уступил именно вам.

Услышав эти странные слова, я пожалела, что сын здесь находился, и, прежде, чем он придумал, как ответить, поспешила отправить его из комнаты... <...>

Когда сын вышел, я сказала Орлову, что не понимаю, как он мог обратиться с подобными речами к семнадцатилетнему мальчику и бросить тень на свою государыню, добавив, что никогда не знала ее фаворитов, а если кто-либо из генерал-адъютантов и жил во дворце, то, полагаю, причиной тому были их служебные обязанности и доверие, питаемое к ним императрицей. Я попросила Орлова никогда впредь не говорить подобным образом в моем присутствии, а тем более с моим сыном, который воспитан в духе глубокого уважения и преклонения перед императрицей, его крестной матерью, и выразила надежду, что слово «фаворит» не будет иметь касательства к моему сыну в ином значении, нежели «любимец порядочных людей».⁴⁴

Екатерина Романовна высоко ценит проявление дворянской чести, несмотря на враждебные обстоятельства или на возможные

---

⁴⁴ Дашкова Е. Р. Записки. С. 120–121.

неблагоприятные последствия для человека. Таково достойное поведение старого Миниха, оставшегося до конца верным присяге Петру III, или же ее дяди, канцлера Воронцова, присягнувшего Екатерине уже после смерти государя. Особенно достойно уважения в глазах княгини смелое и мужественное поведение молодого офицера Лаптева, не побоявшегося гнева Павла Петровича и сопроводившего ее до места ссылки. Достойное поведение дворянина, как самой княгини, так и подобных ей людей, всегда ценится даже противниками. Просвещенные же государи не противятся, а поощряют проявления верности дворянской чести в своих подданных.

Автобиография как жанр дает возможность автору создать «истину о себе», преподнести себя таким, каким он бы хотел выглядеть в глазах будущих поколений. Как многие мемуаристы, Дашкова в письме-посвящении Марте Вильмот, исполняющем роль «автобиографического пакта» (Филипп Лежень) — своеобразного договора между автобиографом и читателем — также заявляет о том, что «не обрабатывала свои записки, а как бы говорила с Вами с откровенностью, которую не поколебали даже горькие уроки опыта».⁴⁵ Однако автобиографическая «истина» вовсе не идентична «правде». Эти особенности жанра и привлекли княгиню, больше всего на свете жаждавшей славы. В этом отношении она походила на своего кумира — Екатерину II. Обе писательницы мастерски воспользовались предоставленными жанром возможностями, чтобы создать свои положительные мифологизированные образы. Если Екатерина Великая старательно создавала свой имидж идеальной просвещенной владельницы, то Екатерина Малая старалась представить публике собственный образ идеальной дворянки. Обращение к топике дворянского долга, детально разработанной в русской литературе XVIII в., и соблюдение традиции, характерное также для проблематики литературных журналов, издаваемых под руководством княгини, не позволяют сомневаться в ее авторстве.⁴⁶ Дашкова спешила заявить миру как можно скорее «правду о себе», воспользовавшись возможностью послать за пределы России текст

---

⁴⁵ Дашкова Е. Р. Записки. С. 35.

⁴⁶ О сомнениях в авторстве Дашковой см.: Сафонов М. М. «Записки» Е. Р. Дашковой и их авторы // Е. Р. Дашкова: великое наследие и современность. М., 2009. С. 83–151.

своей автобиографии и позаботившись о достаточном количестве копий. В обоих случаях концепции образов значительно расходились с реальностью. В том-то и дело: мастерство автобиографии состоит не в подлинности сообщаемых фактов, а в том, как о них рассказано.